

© 2016 г.

А.Г. КОНДРАТЬЕВ

МАРСЕЛЬ ДЕА: ИНТЕЛЛИГЕНТ И ПОЛИТИК НА СЛУЖБЕ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Французский правый радикализм сложен в своих проявлениях. Он не выработал единой идеологической платформы, не имел общего вождя. Правых радикалов объединял антикоммунизм, боязнь советизации Франции, принесение на французскую землю сталинских методов построения “светлого будущего”, национализм, антисемитизм и, как правило, сотрудничество с итальянским фашизмом или германским национал-социализмом. К их числу относился Марсель Деа, придерживавшийся в молодости левых взглядов, извращенная логика которого привела к тому, что он поверил в существование национальной и социалистической Германии, антикапиталистической, борющейся с аферистами антиклерикальной страны, идущей впереди всех, где человек, наконец, познал возможность “возврата к гуманизму, к возрождению древнего гуманизма!”¹

М. Деа родился 7 марта 1894 г. в Ниевре. Выходец из скромной среды республиканцев и патриотов, он в 1914 г. вступил во Французскую секцию Рабочего интернационала (предшественницу Французской социалистической партии), руководствуясь скорее “философией идеализма, чем марксизма”².

Во время Первой мировой войны Деа призвали в армию и отправили на фронт. Боевое крещение он получил в январе 1915 г. Деа получил 5 благодарностей и стал кавалером ордена Почетного легиона. В конце войны в ноябре 1918 г. его представили к званию капитана.

Вернувшись с фронта, Деа получил блестящее философское образование в Эколь нормаль. В нем видели надежду французского социализма и будущее светило социологии. Помимо философских исследований он занялся и литературным трудом, опубликовав под псевдонимом “Таяд” произведение “Трупы и изречения, философия вернувшегося с фронта” (*Taëd. Cadavres et Maximes. Philosophie d'un Revenant. Paris, 1919*), в котором описал все ужасы войны, пришедшие на долю французского солдата. Личное участие в боевых действиях, смрад разлагающихся трупов, непрерывные обстрелы французских окопов и траншей немецкой артиллерией оказали гнетущее воздействие на психику Деа, что впоследствии скажется на его пацифизме и будущей карьере. Он восхищался военной дисциплиной и чувством фронтового товарищества. На этом этапе жизненного пути Деа разделял взгляды, которые были присущи большинству французских социалистов: “Вместо всеохватывающей и решительной борьбы можно последовательно использовать серию натисков. И они сами по себе могут вылиться в продолжительное давление... Революционный дух не развивается

Кондратьев Александр Генрихович – кандидат филологических наук, доцент Томского государственного университета (Томск, Россия).

¹ *Amouroux H. La Grande Histoire des Français sous l'Occupation 1939–1945, 10 t. T. 3. Les Beaux jours des collabos (Juin 1941 – Juin 1942). Paris, 1978, p. 333.*

² https://fr.wikipedia.org/wiki/Marcel_D%C3%A9a

в условиях мессианского ожидания мифической катастрофы, а проявляется в действии. Революционный дух закаляется в борьбе”³.

С 1920 по 1924 г. Деа исполнял обязанности секретаря Центра социальной документации своего родного учебного заведения. В 1925 г. его избрали муниципальным советником в Реймсе, а в 1926 г. он стал членом Палаты депутатов. В 1932 г. Деа вновь избрали депутатом от соцпартии. На первом этапе своего карьерного роста в рядах партии он многим был обязан знакомству с Л. Блюмом, лидером социалистов, который оказывал ему покровительство и назначил секретарем парламентской группы.

В 1930 г. Деа поступил на третий курс университета в Давосе, где учился вместе с французскими и немецкими студентами. Здесь он познакомился с трудами бельгийского социалиста А. де Мана “По ту сторону социализма” и “Радость труда”. Он придавал первостепенное значение не воспитанию классового сознания рабочего класса, а повышению его интеллектуального уровня: “Идея социализма бьет ключом не из физических невзгод пролетария, а из моральных бедствий работника интеллектуального труда”⁴. Развивая концепцию де Мана, Деа обнаружил новый источник социализма, т.е. не только борьбу эксплуатируемых рабочих, но и крестьян, интеллигенции, мелких торговцев. “Он признавал борьбу против капитализма, скорее, необходимость борьбы против него, которая захватит все вышеперечисленные слои общества”. Свою стратегию Деа воспринял как “сражение за создание коллективной кооперативной экономики, за социализацию собственности, против тирании интересов капитала, за экспроприацию прибыли, против нерешительной власти и слабого государства (за социализацию власти)”⁵. Он предполагал различные формы проявления недовольства капитализмом: участие в демократических выборах, что, по его мнению, позволит эксплуатируемым слоям населения завоевать частично власть, в перераспределении прибыли предприятия и т.д. “Это был человек, — отмечал А. Амуру, — который проповедовал необходимость действия, пропуская его через переосмысление, скорее, через письменное теоретическое обоснование, чем через непосредственный контакт с толпой”⁶.

В 1930 г. Деа опубликовал работу “Социалистические перспективы”, где изложил свою ранее сложившуюся концепцию, связанную с ситуацией во Франции, дополнив ее новыми взглядами. Он попытался определить новую тактику социалистического движения. Деа полагал, что прогресс социализма возможен благодаря расцвету хозяйственной жизни капиталистического общества, повышению общего благосостояния, как это произошло в США. Исторический материализм, по мнению Деа, на определенном этапе исторического развития, содействовал расцвету человеческой цивилизации, но он не являлся методом психологического и социологического анализа капиталистической стадии развития общества. Рабочий класс испытывает ненависть к капитализму, который эксплуатирует его труд. Однако те же чувства присущи и мелким имущим слоям населения: крестьянам, рантье, ремесленникам и т.д. “Присущая капитализму общность, — отмечал Деа, — гарантирует а priori единство действий, направленных против него”⁷.

Он все больше и больше дистанцировался от социалистической партии. По своей натуре Деа не был человеком твердого характера, не являлся политическим авантюристом, не обладал необузданным темпераментом. Его путь к фашизму и нацизму являлся плодом долгих теоретических размышлений о социалистической идее, витающей в обществе, подверженному быстрому изменению, находящемся в стадии крушения парламентской демократии. “Деа пришел к убеждению, — отмечает В. Рингс, — что социализм не может превратиться в реальность, если власть возьмет

³ Lefranc G. Histoire des doctrines sociales dans l’Europe contemporaine. Paris, 1960, p. 237.

⁴ Ibid., p. 249.

⁵ <http://biografias.wordpress.com/2008/01/06/Marcel-Deat>

⁶ Amouroux H. Op. cit., p. 336.

⁷ Lefranc G. Op. cit., p. 236.

один класс, а не широкие средние слои благодаря скрупулезному использованию тоталитарных методов”⁸. Средний класс, являясь стабилизирующей основой государства, создавая новые рабочие места, способствовал снижению социальной напряженности в обществе.

Деа выступал за социализацию прибыли буржуазии, в чем пошел по стопам Б. Муссолини, за ослабление ее политической мощи. “Если мы боимся, — писал он, — полного захвата капитализмом государства, если мы не рассчитываем на его суверенную независимость, тогда, чтобы избежать этого и провести в жизнь демократические принципы, мы не должны принимать марксистский тезис, согласно которому оно, являясь продуктом господствующего класса, будет только инструментом диктатуры в руках буржуазии. Есть риск, что так произойдет, если мы позволим это сделать. Однако этого не будет”⁹. Социализация прибыли должна была привести к отстранению буржуазии от политической власти. На ее долю оставались лишь экономические функции. Государство освобождалось от непосредственного, сложного руководства производством. На него возлагался контроль за административными советами, в ведении которых и находилось руководство производственным процессом. Эта концепция Деа сближала его со взглядами Б. Муссолини на построение корпоративного фашистского государства, где социализированная прибыль распределялась среди неимущих слоев населения.

Позиция Деа по основным направлениям не совпадала с концепцией государственного устройства Франции и места человека в нем. Основную задачу социализма его лидер Блюм видел в том, чтобы государство основывалось на принципах парламентской демократии, что позволит освободить человека от любых форм проявления рабства и угнетения, обеспечить ему в обществе, основанном на принципах равенства и братства, свободное осуществление своих прав и природных способностей. Блюма и Деа объединяло лишь неприятие идей большевизма, захватившего и узурпировавшего власть в России. “Социальная революция, — отмечал Блюм, — в России не произошла. Большевизм смешивает захват власти с революцией, средства с конечной целью. Все стремления правительства Советов сводятся к сохранению абсолютной власти, хотя оно, за исключением государства, сумело пойти на изменения в социальной сфере”¹⁰. Блюм защищал демократические устои государства и ему не импонировал тоталитарный метод государственного устройства.

На съезде социалистов в 1930 г. Деа создал группу, получившую название “правые неосоциалисты”, которая практически представляла собой половину состава партии, а по некоторым данным лишь 20%¹¹. В 1933 г. из социалистической партии за правый уклон исключили Деа, 28 депутатов и 7 сенаторов. Он, П. Рамадье, П. Ренодель, Б. Монтаньон и А. Марке создали Социалистическую партию Франции — Союз Жана Жореса, взявшую на вооружение лозунг: “Порядок, авторитарность, нация!”

На первых порах Деа исповедовал антифашистские взгляды, хотел присоединиться к Комитету бдительности, куда входили интеллигенты-антифашисты, выступал против коллективизации и революции, ведущих к хаосу во всех сферах жизни, чего, по его мнению, добивался фашизм. Однако его сторонники, получившие репутацию “правых” и “фашистов”, не желали связывать себя с левыми силами. Какое-то время Деа на правах министра авиации входил в состав левоцентристского правительства А.-П. Сарро. Он резко осуждал гитлеровский антисемитизм и расизм, изобличал античеловеческое начало, заложенное в Нюрнбергских законах. Деа считал, что немецкий народ, имея такую плеяду философов и поэтов, как Г.В.Ф. Гегель, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. фон Шеллинг, И. Кант, И.В. фон Гёте и И.К.Ф. фон Шиллер, готов вновь пронести через века факел гуманизма. Он являлся членом Комитета по защите прав граждан

⁸ *Rings W.* Vivre avec l'ennemi. 1939–1945. Paris, 1981, p. 125.

⁹ *Lefranc G.* Op. cit., p. 236.

¹⁰ *Ibid.*, p. 232.

¹¹ <http://biografias.wordpress.com/2008/01/06/Marcel-Deat>

еврейской национальности в странах Восточной и Западной Европы. В период нахождения у власти правительства Народного фронта Деа познакомился с Ш. де Голлем и поддерживал с ним контакты до начала Второй мировой войны. В 1937 г. будущий президент Франции писал одному из своих друзей: “Деа, без всякого сомнения, обладает большим талантом и высокой ценностью. Я думаю, что мы увидим, что он возвысится и пойдет очень далеко”¹².

Сохранив в своей памяти ужасные картины Первой мировой войны, Деа, стремясь избежать вооруженного конфликта с Германией, с воодушевлением принял Мюнхенское соглашение, увидев в нем возможность сохранить мир на европейском континенте. В апреле 1939 г. он вернулся в состав Национального собрания Франции и выдвинул антикоммунистическую программу. Несколько месяцев спустя, когда в Европе запахло пожарами надвигающейся войны, Деа написал знаменитую статью “Умереть за Данциг?”. “Сражаться рядом с нашими польскими друзьями, – отмечал он, – чтобы защитить наши территории, наше благосостояние, наши свободы, – это перспектива, которую есть возможность мудро рассмотреть, если она поспособствует установлению мира. Но умереть за Данциг, нет!”¹³ Он обвинил руководителей Третьей Республики в воинственных настроениях, что выгодно лишь капиталистам Англии, которые защищают свои имперские амбиции за счет интересов Франции. Проводимая Деа в довоенный период политика пацифизма, что касается в большей мере Чехословакии и Польши, играла на руку национал-социалистической Германии.

Бывший фронтовик, заслуженный офицер, с оружием в руках защищавший честь и достоинство Франции на полях сражений Первой мировой войны, он не возвысил свой голос за продолжение борьбы, весьма спокойно воспринял поражение страны, поддержал перемирие, заключенное 22 июня 1940 г., назначение А.Ф. Петэна и П. Лаваля на высшие государственные посты.

Путь Деа к сотрудничеству с нацизмом являлся плодом долгих теоретических размышлений о социалистической идее, витающей в обществе, подверженному быстрым изменениям, которое находится в тяжелой ситуации функционирования парламентской демократии в период между двумя войнами. Он считал, что А. Гитлеру удалось соединить воедино национализм и социализм. Важную роль в мировоззрении Деа стали играть понятия “власть и нация”. В своем понимании интеллектуального национал-социализма он отошел от осознания разрушительного начала, таящегося в нем. В сотрудничестве с ним крылся, по его мысли, не только выход, но и единственная, более широкая перспектива в проведении мудрой политики.

9 июля 1940 г. Деа написал для своей газеты “Эвр” статью, в которой выдвинул идею создания партии, объединяющей все правые силы Франции: “Партии исчезли... Францию не возродить на двусмысленности единого “национального союза”... как это делали все народы, совершая свою революцию... нам не хватает партии, единой партии, которая объединит и сориентирует всеобщее устремление. Эта партия наряду с государством и правительством включит, воодушевит, поддержит всю нацию. Парламент исчез, партия обеспечит контакты между правительством и общественным мнением”¹⁴. Однако эту затею не поддержал маршал Петэн, к тому же на лидирующее место в стане французских коллаборационистов метил Ж. Дорио со своей Французской народной партией, что не помешало им, несмотря на различия и противоречия, принять участие в создании Антибольшевистского легиона французских добровольцев, воевавшего на Восточном фронте, участвовавшего в общеевропейской борьбе со сталинским большевизмом. В борьбе за власть лидеры коллаборационизма люто ненавидели друг друга. Журналист А. Ребате вспоминал, что 15 декабря 1940 г., после того как Лаваля вывели из состава правительства маршала Петэна, Дорио возликовал: “Вот наконец мы освободились от барышника Лаваля!” ...и, повернув свои очки в сторону

¹² https://fr.wikipedia.org/wiki/Marcel_De%C3%A9a

¹³ http://biografias.wordpress.com/2008/01/06/Marcel_Deat

¹⁴ Ibidem.

Марселя Деа, находившегося в гордом одиночестве под подставкой для факела, одетого в черное, с иронической улыбкой, искажившей лицо, продолжил: «Здесь есть еще один, кого следует отдать на съедение червям. Вот этого маленького мерзавца. К счастью, это надолго не затянется»¹⁵.

При встрече маршала Петэна с Деа глава вишистской Франции раскурил бонапартистские замашки и устремления неосоциалиста, заявив, что тот хочет дать ему “кусочек пирога, чтобы владеть им всем”¹⁶. Инстинктивно Петэн воспротивился созданию объединенной партии, увидев в ней зародыш французского национал-социализма, стремление Деа включить Францию в структуры гитлеровской Европы. Поняв, что маршал ненавидит его, он уехал в Париж, где в 1941 г. создал организацию “Национальное народное объединение”. За год в него вступило 50 тыс. чел. Несмотря на все ожидания новоявленного лидера, оккупационные власти не проявили особого желания и стремления пойти на тесное и безоговорочное сотрудничество с ним. Они питали особое доверие к Лавалю. Э. Делонкль, вождь кагуляров, также рвавшийся к власти, вошел в руководящие структуры партии “Национальное народное объединение”, заняв пост председателя Комитета по безопасности, возглавив Национальный народный легион, который практически полностью состоял из кагуляров. Он решил занять все командные посты в организации Деа. В августе 1941 г. молодой человек, уроженец Нормандии, член Антибольшевистского легиона французских добровольцев, совершил покушение на Лавала и Деа, ранив их. Позднее полиция установила, что им является П. Колетт, который действовал по приказу Делонкля, убирая с дороги всех тех, кто служил препятствием для удовлетворения политических амбиций своего негласного шефа.

Газета Деа “Эвр” изо дня в день вела атаку против всех и вся, подвергала нападкам евреев, коммунистов, англосаксов, движение “Аксьон франсэз”, демократов, используя риторику доктора Й. Геббельса, защищала расовую чистоту, выступала за участие в войне против Англии. В первую очередь она целила в “реакционное” правительство Виши, в маршала Петэна, заявляя, что оно “интригует вместе с евреями, международным масонством и финансистами”, “строит козни с теми, кто хочет растащить на части нашу империю”, что “Национальное народное объединение может навязать свою волю определенному кругу лиц и маршалу Петэну”. Столь неприкрытое желание утвердиться у кормила государственного руля со стороны Деа вызвало ответную реакцию. В августе 1942 г. граната, брошенная в кинотеатре, где выступал бывший лидер неосоциалистов, привела к тому, что 1 человек был убит, а 22 получили ранения.

Весьма своеобразные отношения сложились между М. Деа и П. Лавалем, премьер-министром коллаборационистского правительства. На первых порах их позиция безоговорочной поддержки политики национал-социалистической Германии полностью совпадала. После оккупации в ноябре 1942 г. немецкими войсками зоны Виши Лаваль стал высказывать некоторые возражения по поводу требований немецкой оккупационной администрации, руководства рейха. Когда один из фюреров Трудового фронта Ф. Заукель потребовал у Лавала новой партии французских трудящихся, которым предстояло работать в военной промышленности Германии, премьер-министр отрицательно отреагировал на требование немцев. Деа безоговорочно поддерживал политику сотрудничества с Германией, ибо в личном плане его победа могла быть достигнута только в случае триумфа Третьего рейха. Он желал не только победы над Россией и Англией, но и одновременно над “гангстерами” из Виши. Деа с остервенением заявлял, что на членов правительства Виши следует “организовать охоту”. Он “потрясал дерево, чтобы упали плохие плоды: Алибер, Пейрутон, Фланден. Деа вел из Парижа ежедневную атаку журналиста, оказывавшего политическое давление на Виши, где его все считали в большой милости у немцев, что не являлось правдой на самом

¹⁵ *Amouroux H.* Op. cit., p. 396.

¹⁶ *Ibid.*, p. 342.

деле”¹⁷. В государственном устройстве Германии он видел не диктатуру, а современную модель режима, о которой мечтал, и полагал, что она приемлема и для Франции.

Немцы тем не менее по достоинству оценили рабскую преданность М. Деа, под давлением которых его 16 марта 1944 г. включили в состав правительства Виши на правах министра труда, который отправлял французских рабочих на каторжный труд в рейх. «Деа был упорным человеком, — отмечал А. Верт, — совершенно неразборчивым в средствах и твердо верившим в победу фашизма, в котором “левое” направление нравилось ему больше “правого”»¹⁸. Английский исследователь прав в том смысле, что Деа в борьбе против всех политических сил сравним с бывшим социалистом из Кремоны, а затем ультралибералом Р. Фариначчи, который предлагал кардинальное разрешение борьбы с антифашистскими силами: загнать их в Неаполитанский залив и “утопить”. Однако политическая концепция лидера Национального народного объединения расходилась с “левым” национал-социализмом, представителями которого являлись Г. и О. Штрассеры, которым был чужд антисемитизм, милитаризм, экспансионистские устремления.

Под давлением наступающих войск союзников, активизации участников движения Сопротивления французское марионеточное правительство бежало в Германию в Зигмаринген. В апреле 1945 г. Деа заблаговременно перебрался в Италию, где в монастыре Сан Вито обернулся добропорядочным католиком, чтобы до него не добралась карающая длань правосудия.

У М. Деа, прошедшего через горнило Первой мировой войны, видевшего только кровь и грязь траншей, вздувшиеся трупы людей и животных, размазанные по стенам окопов мозги, чувство пацифизма определило не только его мировоззрение, но и практическую деятельность. Встречи с немецкими студентами, знакомство с пропагандистскими материалами Германии, где, по его мнению, строился национальный социализм, предопределили коллаборационизм бывшего лидера неосоциалистов, политику интеграции своей страны в объединенную под эгидой Третьего рейха Европу.

¹⁷ Ibid., p. 356.

¹⁸ Верт А. Франция 1940–1950. М., 1959, с. 133.